

*Лидии Родионовне Афанасьевой
и Петру Георгиевичу Гончарову,
моим бабушке и дедушке,
прошедшим Блокаду, посвящается*

ПЕРЕД БЛОКАДОЙ

Перед входом на Пискарёвское мемориальное кладбище установлена памятная мраморная доска с надписью: «С 8 сентября 1941 года по 22 января 1944 года на город было сброшено 107 158 авиабомб, выпущено 148 478 снарядов, убито 16 744 человек, ранено 33 782, умерло от голода 641 803 человек». От Вечного огня к главной стеле мемориала ведет аллея протяженностью 480 метров. Нет никакого сакрального и тайного смысла в этой цифре 480. Просто справа и слева от аллеи — братские могилы, череда холмиков, уходящих вглубь. И надо пройти полкилометра, чтобы миновать братские захоронения умерших в блокаду ленинградцев и погибших бойцов Ленинградского фронта. Полкилометра ям с телами. Вдумайтесь в эту цифру. Полкилометра.

На гранитной стене, расположенной позади монумента «Родина-мать», высечены строки Ольги Берггольц:

Здесь лежат ленинградцы.
Здесь горожане — мужчины, женщины, дети.
Рядом с ними солдаты-красноармейцы.
Всею жизнью своею
Они защищали тебя, Ленинград,
Колыбель революции.
Их имен благородных мы здесь перечислить не сможем,
Так их много под вечной охраной гранита.
Но знай, внимающий этим камням:
Никто не забыт и ничто не забыто.

Таков итог самой продолжительной битвы в истории Великой Отечественной войны — Битвы за Ленинград!

Ночь на 22 июня 1941 года была в Ленинграде теплой, тихой и светлой, как и положено белым ночам. Тишину

нарушали лишь веселые компании вчерашних школьников, гулявших вдоль Невы после выпускного вечера. Девушки в белых платьях и юноши гуляли, взявшись за руки, смеялись, целовались украдкой, еще не зная, что вермахт уже перешел государственную границу СССР, что уже идут бои на подступах к Бресту, что эксперты люфтваффе уже бомбят Киев, Севастополь, Каунас, Житомир и другие советские города. Вечером на стадионе им. В. И. Ленина* должен был состояться футбольный матч между ленинградской «Красной звездой» и московским «Динамо». К 8 утра далеко за Балтийским заводом, за Академией художеств, Кунсткамерой и дальше, над ломкими силуэтами крыш Петроградской стороны повисли черные точки — аэростаты заграждения.

Ночью на подступах к Ленинграду произошли первые воздушные бои. В 3.20 летчики А. Шавров и Н. Бойко вступили в бой со звеном «Мессершмиттов» Vf. 110. В 4 часа 20 немецких самолетов предприняли попытку минирования фарватера в Финском заливе, а около 5 утра разведчики люфтваффе появились под Кронштадтом и Выборгом, где были встречены огнем зениток.

В третьем часу ночи 2-й секретарь Ленинградских обкома и горкома ВКП(б) Алексей Александрович Кузнецов, замещавший находившегося в отпуске 1-го секретаря А. А. Жданова и бывший на тот момент фактически первым должностным лицом в городе, вызвал к себе в Смольный 1-х секретарей райкомов. Он довел до их сведения телеграмму за подписью наркома обороны СССР, полученную в штабе Ленинградского военного округа. В ней говорилось о возможном нападении 22 или 23 июня. А в пятом часу А. А. Кузнецова из его кабинета, где шло совещание, пригласили к аппарату прямой связи с Москвой. Вскоре он вернулся и коротко объявил: война!

Но основная масса жителей Ленинграда узнала о начале войны только в 12.15, когда по радио прозвучала знаменитая речь заместителя председателя СНК СССР и наркома иностранных дел В. М. Молотова. Слушая запись этого обращения сегодня, невольно режут слух дефекты дикции и нарушения орфоэпических норм языка, вот эти вот «граждане и гражданки», «дóговор», смягчение звонких согласных. Но нам сложно представить, что творилось в душе

---

* С 1992 года стадион «Петровский» на Петровском острове Малой Невы.

наркома, когда в 12.05 он вышел из кабинета И. В. Сталина с текстом выступления и направился на Центральный телеграф, откуда осуществлялась прямая трансляция. Люди замерли на площадях и улицах, везде, где застал их этот исторический момент. Замерли и слушали. Лица спокойные, напряженные. Никакой паники, ни тени страха. Именно тогда, в речи Молотова впервые звучит словосочетание «Отечественная война»: сравнивая войну с Наполеоном 1812 года с нынешним нападением фашистской Германии, нарком иностранных дел прямо говорит, что враг также будет разбит и изгнан с территории нашей Родины. Еще никто не догадывался тогда, что фраза «Отечественная война», произнесенная Молотовым по радио, станет точной, верной и невообразимо кровавой; никто представить себе не мог, что начался кошмар, который продлится долгих четыре года.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года среди других территорий СССР, объявленных на военном положении, были названы «город Ленинград и Ленинградская область». Это означало, что отныне все функции государственной власти в деле обороны передаются Военному совету Ленинградского военного округа.

Около 15.00 закрылись сберкассы — закончилась наличность: люди стремились снять свои скромные сбережения. В продуктовые магазины выстроились очереди. И вместе с этим на заводах и предприятиях начались стихийные митинги, а очереди добровольцев у военкоматов были не короче очередей в магазины. Как это всегда бывает в минуты опасности, обнажается нутро человека, его оголенная суть, и это не спрятать, не изменить. Ты можешь маскироваться, как хамелеон, и быть своим в доску парнем, или не быть им, угрюмо отталкивая окружающих, но в минуту опасности твое нутряное вырвется наружу, и вся твоя суть станет видна, как на ладони: затариться продуктами или бежать в военкомат? Это, на самом деле, очень простой и внятный выбор. Но как же меняет он всю твою жизнь!

В первую же военную ночь на улицах появились военные патрули, вооруженные винтовками, а у подъездов домов — дежурные с противогазными сумками через плечо. Следили, чтобы не осталось ни одного освещенного окна. Светомаскировка. В первую же ночь зазвучали сирены, извещающая об угрозе воздушного нападения. Тревога оказалась ложной. Но вряд ли кто смог спокойно заснуть в эту первую

военную ночь. Жизнь кардинально разделилась на две половины, и это было уже не изменить, не переиначить.

По решению Ставки Главного командования Вооруженных сил СССР с 24 июня 1941 года Ленинградский военный округ преобразовывался в Северный фронт. Он существует два месяца, а 26—27 августа его войска разделят между вновь созданными Ленинградским и Карельским фронтами. Еще никто даже не думает об окружении. Еще в помине нет Волховского фронта. Нет «Невского пятачка» и героической обороны крепости Орешек. Война уже идет, но для большинства ленинградцев пока еще остается умо-зрительной категорией.

Вот как вспоминает те дни Николай Никулин, курсант школы радиоспециалистов: «Война тем временем где-то шла. Первое представление о ней мы получили, когда на территорию школы прибыла с фронта для пополнения и приведения в порядок разбитая дивизия. Всех удивило, что фронтовики жадно едят в огромных количествах перловую кашу, остававшуюся в столовой. Курсанты радиошколы были недавно из дома, еще изнежены и разборчивы в еде... Солдаты с фронта были тихие, замкнутые. Старались общаться только друг с другом, словно их связывала общая тайна. В один прекрасный день дивизию выстроили на плацу перед казармой, а нам приказали построиться рядом. Мы шутили, болтали, гадали, что будет. Скомандовали смирно и привели двоих, без ремней. Потом капитан стал читать бумагу: эти двое за дезертирство были приговорены к смертной казни. И тут же, сразу, мы еще не успели ничего понять, автоматчики застрелили обоих. Просто, без церемоний... Фигурки подергались и застыли. Врач констатировал смерть... Именно тогда в нашем сознании произошел сдвиг: впервые нам стало понятно, что война — дело нешуточное, и что она нас тоже коснется»¹.

Но были и другие примеры.

Уже 27 июня было принято решение о создании народного ополчения. 30-го началась запись добровольцев на предприятиях Ленинграда. Кировский и Московский заводы, Металлический, «Арсенал», «Прогресс», «Красный выборжец», станкостроительный им. Я. М. Свердлова, «Экономайзер»... В первый же день записалось 10 890 бойцов, к концу пятого дня эта цифра выросла до 77 413.

На «Красный выборжец» пришла жена рабочего Рыбина и сказала: «Я проводила мужа в армию и теперь хочу тру-

даться в его цехе». В этот же день Анну Устиновну зачислили на работу.

В Государственном институте физической культуры им. П. Ф. Лесгафта 280 студентов и преподавателей решили уйти партизанами. Вскоре отряды лесгафтовцев отправятся в псковские леса...

Ленинградцы постепенно привыкали к равномерному стуку метронома. В перерывах между передачами он звучит размеренно, напоминая о постоянной опасности воздушного нападения, а во время тревоги ритм его становится учащенным. Еще никто не знал, что этот неторопливый стук, напоминающий шаги в гулких пустых залах Эрмитажа, совсем скоро станет единственной надеждой, когда лежишь в холодной квартире, закутавшись в ворох одеял, умирая от голода, не имея сил выйти на улицу. Этот звук станет единственным доказательством, что город еще не пал, что он жив и сражается, а значит, и ты сам жив, пока слышишь эту неторопливую поступь города.

Менялся и облик Ленинграда. Уже нельзя было увидеть блеска золота на куполе Исаакиевского собора, на шпилях Петропавловской крепости и Инженерного замка — они окрашены нейтральной краской зеленого цвета. На Адмиралтейскую иглу решено натянуть сшитый из мешковины чехол. Крупнейшие предприятия, многие мосты, водопроводные и электрические станции тщательно замаскированы. Район Смольного, если смотреть на него сверху, превращен в лесопарковую зону. Еще на дальних подступах к зданию натянуты гигантские маскировочные сети с темно-зелеными лоскутами, изображающими деревья.

Еще одна примета тех дней. На Невском и Литейном проспектах, на других улицах прямо на тротуарах были расставлены столы с книгами, еще пахнущими свежей типографской краской. Такой литературный всплеск объяснялся просто: из-за перегрузки железных дорог было невозможно вывозить полиграфическую продукцию, печатавшуюся в ленинградских типографиях. Поэтому решили сбывать книги на местном рынке. Импровизированный книжный базар на Невском проспекте раскинулся прямо перед гастрономом № 1 — знаменитым Елисеевским. Серые мешки с песком наглухо закрывали зеркальные витрины, а рядом яркие краски на обложках.

А немецкие войска продолжали развивать наступление. Вот что записал в дневнике начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Франц

Гальдер 8 июля 1941 года: «Непоколебимо решение фюрера сравнить Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения этих городов должна выполнить авиация. Для этого не следует использовать танки. Это будет “народное бедствие, которое лишит центров не только большевизм, но и москвитов (русских) вообще”»².

Псков пал 8 июля. Отступление частей регулярной армии, бегство гражданского населения, обозы, нескончаемый поток спасающихся от войны людей. К тому времени после тяжелых боев был оставлен Остров, и две немецкие танковые дивизии стремительно продвигались вперед: одна на Псков, другая на Порхов. Прибывающие со стороны Ленинграда эшелоны с 235-й стрелковой дивизией с ходу вступали в бой, но в условиях паники и неразберихи, недостаточно четкого управления войсками имели место случаи самовольного оставления позиций. Дороги были забиты отступающими, поэтому подвоз боеприпасов, горючего и продовольствия был крайне затруднен.

Вот как вспоминает эти дни начальник Инженерного управления Северного фронта генерал-лейтенант инженерных войск Б. В. Бычевский: «Семьи, оставшиеся без крова, горящие дома, плачущие на руках у матерей дети, страдающие от жары и жажды. Тут и там вперемешку с беженцами бредут разрозненные группы бойцов. Нескончаем поток машин, всевозможных тележек. И над всем этим пестрым водоворотом стоит угнетающий гул, в воздухе висит едкая пыль... Над шоссе только что пронесся на бреющем полете “Мессершмитт”. Пулеметная очередь скосила двух девочек и трех женщин»³.

В ночь с 7 на 8 июля части 1-й танковой дивизии вермахта отбросили наши войска на южную окраину Пскова. Создалась угроза выхода немецких танков в тыл 118-й стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор Н. М. Головацкий. Командование 41-го стрелкового корпуса по результатам доклада комдива Головацкого дало устный приказ на отход дивизии за реку Великая. Но в условиях общей дезорганизации и потери управления войсками был преждевременно взорван мост через реку, когда еще не было прямой угрозы со стороны немцев. Это привело к беспорядочному отступлению частей 118-й, 111-й стрелковых дивизий. Бойцы бросали тяжелое вооружение и пересекали реку вплавь.

До сих пор сложно установить, что же именно тогда происходило под Псковом. Память об этом хранит Великая — древняя русская река, но она никому не откроет своих тайн.

Генерал-майор Н. М. Головацкий за оставление Пскова и потерю частей 118-й дивизии был осужден судом Военного трибунала и приговорен к высшей мере наказания. Генерал был расстрелян 3 августа 1941 года, а определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 8 декабря 1958 года реабилитирован за отсутствием состава преступления. Командира 41-го стрелкового корпуса генерал-майора И. С. Кособуцкого приговорили к 10 годам заключения (освобожден в 1942 году, войну закончил в звании генерал-лейтенанта). Головацкий во время следствия ссылался на устный приказ комкора, а также на невозможность получить письменный приказ в тех условиях. И. С. Кособуцкий на суде факт устного приказа не подтвердил. Также в июле 1941-го по приговору трибунала Северо-Западного фронта был расстрелян начальник инженерной службы 41-го стрелкового корпуса военинженер 2-го ранга Головлев.

Дорога на Ленинград была практически открыта. На пути немецкой группы армий «Север» остался только Лужский рубеж.

В это время школьники Ленинграда по всему городу собирают пустые бутылки. Нет, никто не искал легкого заработка. Это ленинградские предприятия получили задания ежедневно поставлять в войска 9 тысяч бутылок с горючей смесью для поджога танков противника. С 10 июля началось массовое изготовление этих стеклянных гранат на предприятиях города и в мастерских высших учебных заведений: Педагогическом им. А. И. Герцена, Текстильном им. С. М. Кирова, Электротехническом институте связи им. М. А. Бонч-Бруевича и других ленинградских институтах.

В саду возле Института холодильной промышленности (ЛИХП) и в Апраксином Дворе проходил обучение личный состав 3-й дивизии народного ополчения. Вчерашние рабочие, студенты, инженеры выполняли приемы строевой подготовки, учились колоть штыком чучела из мешковины. Все это походило на плохо поставленный спектакль, но ленинградцам не до смеха. 12 июля на ипподроме, где совсем недавно проходили скачки, дивизии будет вручено Красное знамя, вскоре она примет участие в боях на Олонском направлении. 2-й Приморский полк дивизии будет

отправлен на Лужский рубеж. А на месте ипподрома после войны построят Театр юного зрителя.

Человек, впервые взявший в руки оружие две недели назад, еще не готов убивать. В глубине души он не верит, что винтовка, оттягивающая плечо, будет стрелять. И так же в то, что будут стрелять в него. Вот стоят эти люди на ипподроме, переминаются. Греет солнце. Скрипит песок под ногами. Очень хочется жить. Многие из них скоро погибнут, защищая свой город, свою страну. Но сейчас, вот в этот самый день 12 июля 1941 года они все еще живы, в каждом скрывается непостижимый мир — целая непознанная вселенная. И их невстреченные возлюбленные, их неродившиеся дети пока еще с ними...

Бои за Лужский рубеж 12 июля 1941 года начинаются... Так же, как в мирное время, сберкассы выплачивают выигрыши. Только за один этот день по шестому тиражу Государственного займа Третьей пятилетки сберкассы Ленинграда выплатили 6200 выигрышей на общую сумму свыше 800 тысяч рублей.

Восемнадцатого июля погибают дети Ленинграда.

Накануне вечером на станцию Лычково Демянского района Новгородской области прибыл эвакуационный поезд, вывозивший из Ленинграда детей, а также сопровождавших их педагогов и медицинских работников. Всего около двух тысяч человек. На станции поезд отвели на запасной путь, ожидая подхода новых групп детей из Демянска, которые и прибыли во второй половине дня 18 июля. Примерно в эти же часы на соседний путь прибыл санитарный поезд с ранеными красноармейцами. И в этот момент появляется немецкий бомбардировщик.

Вот как вспоминает последствия налета очевидец, а впоследствии писатель Валентин Динабургский: «Фрагменты детских тел висели на телеграфных проводах, на ветвях деревьев, на кустарниках. Стаи ворон, чуя поживу, с гвалтом кружили над местом трагедии. Солдаты собирали изуродованные тела, быстро начавшие разлагаться под влиянием жары. От смрада тошнило и кружилась голова.

Через пару дней на Лычково нахлынули матери несчастных жертв. Простоволосые, растрепанные, они метались между путей, искореженных взрывами бомб. Они незряче бродили по лесу, не обращая внимания на минные поля, и подрывались на них... Неудивительно, что некоторые тронулись разумом. Меня одна женщина, улыбаясь, спрашивала: не встречал ли я ее Вовочку? Она только сейчас

вела его в детсадик и оставила вот здесь... Зрелище страшное: истерики, вопли, обезумевшие глаза, растерянность, безысходность...»⁴

Из вагонов выбегают дети в белых панамках, плачут от ужаса, пытаются спрятаться в поле, не понимая, что белые панамки прекрасно видны с высоты на зеленом фоне. Отбомбившись, летчик делает второй круг. Он видит, что перед ним маленькие дети. Он все прекрасно видит. И продолжает методично расстреливать их из пулемета. Ориентир — белые панамки.

Этот немецкий летчик... Я пытаюсь представить, какой он, как выглядит, о чем думает, злой ли он человек? Или он обычный светловолосый парень, улыбчивый, белозубый, с красивыми и правильными чертами лица, любящий свою мать, пишущий нежные письма жене о том, как уничтожил в течение минуты... не детей, нет, недочеловеческих личинок. Как он рассказывает об этом случае в полку и его друзья, его боевые товарищи Фрицы, Гансы, Густавы весело смеются. Я не знаю, погиб ли этот летчик во время войны или, наоборот, прожил долгую счастливую жизнь, растил детей, нянчил внуков. Но я точно знаю, что советский солдат — самый милосердный солдат в мире. Потому что после Лычково у него появилось полное моральное право уничтожать немцев, как нацию. Но советский солдат не стал этого делать.

Ирина Алексеевна Зимнева помнит хронику тех событий лишь по рассказам старших товарищей. Жизнь ей, трехлетней крохе, спасла кукла — памятный подарок мамы, врученный на перроне перед самым отправлением рокового эшелона. Торчащая из груды детских тел игрушечная рука привлекла внимание тринадцатилетнего лычковского мальчишки Алеши Осокина. Он потянулся за ней, услышал душераздирающий детский плач и понял — здесь лежит живой ребенок. Семья Алеши приняла девочку как родную, но вскоре нашлись родственники и Ирина вернулась обратно в Ленинград, прямиком в кольцо блокады. В 1984 году Ирина Алексеевна вернулась в эти земли — вместе с мужем они купили в соседнем поселке дачу, решили обустроить хозяйство; перво-наперво — построить баньку, для чего и пригласили местного плотника. По завершении работы супруги разговорились с мастером. И вдруг он начинает описывать события того дня: разбомбленный фашистами поезд, кукла, маленькая девочка... Плотником оказался Алексей Осокин.

От Кингисеппа до Луги, от Балтики до озера Ильмень протянулась линия обороны. Немецкая группа армий «Север» впервые с начала войны завязла в районе Луги, не в силах прорвать оборону советских войск. Сводки боев второй половины июля похожи на книгу славы, что ни день, то подвиг и чудеса самоотверженности.

Вот балтийский летчик старший лейтенант Н. И. Митин. Идет на таран и сбивает немецкий самолет PZL P.24, корректировавший огонь артиллерии по Ленинграду. Самолет Митина загорелся и начал падать, но сам он успел выпрыгнуть с парашютом над территорией, уже занятой противником. Его уже считали погибшим, но через три дня Митин перешел линию фронта и вернулся в полк.

А вот неизвестный солдат. Два кубаря. Лейтенант. В районе Сольцов его взвод залег под огнем немецкого пулемета. Немец долбит яростно, страшно. Головы не поднимать. Жара. Липкий пот пропитал гимнастерку. Пить хочется. Жить хочется. Лицо в траве, душисто пахнет осокой. Жучок ползет по травинке. А подняться надо. Зачем? Зачем подниматься, когда так хочется жить? На этот вопрос не может быть внятного, не вызывающего сомнений ответа. Позади Ленинград, Родина. Да, но ведь жить хочется... Как же страшно вставать... Жена, дочь. Смотрят откуда-то ему в глаза. Откуда они смотрят? Отчего так обжигает их взгляд? Эх, надо вставать... Поднимается лейтенант, успевает заорать во всю грудь: «За мной, мужики!» Делает шаг и ловит пулю на вздохе. Но взвод уже поднялся, уже бежит вперед. Десять метров до врага, пять, три... Врукопашную, штыком в брюхо, саперной лопаткой под кадык. Бой яростный и короткий. Все. Сольцы отбили. 8-я немецкая танковая дивизия отрезана от основных сил. Лейтенант лежит на поле. Взгляд его стеклянен и светел. Жучок переползает с травинки на лицо.

Группа армий «Север» прекращает наступление на Ленинград 19 июля. В приказе Гитлера об этом говорилось: «Продвижение в направлении Ленинграда возобновить лишь после того, как 18-я армия войдет в соприкосновение с 4-й танковой группой, а ее восточный фланг будет обеспечен силами 16-й армии»⁵. Неизвестный лейтенант и тысячи таких, как он, подарили Ленинграду еще один месяц.

Двадцать второе июля — ровно месяц с начала войны. «Ленинградский горком ВКП(б) дал указание секретарям райкомов в трехдневный срок подобрать для каждого домохозяйства политорганизатора. В его обязанность входит

массово-политическая работа среди населения, повышение бдительности и укрепление противовоздушной защиты дома. Одним словом, бороться за превращение каждого дома в крепость... по примеру Москвы с 12 часов 23 июля на крышах и чердаках вводятся круглосуточные дежурства для тушения зажигательных бомб [...]

И еще 27 июля 10 815 ленинградцев ушли из города. Ушли, чтобы занять уже оборудованные позиции. Это были бойцы только что сформированной 1-й гвардейской дивизии народного ополчения»⁶. Это уже пятая по счету дивизия народного ополчения.

В этот же день солдат 324-го немецкого пехотного полка Фриц Курт, воевавший под Свирью, пишет в своем дневнике: *«Сегодня мы шли в атаку. Русские подпустили нас поближе, а потом открыли такой огонь, что из нашего отделения унесли ноги только я да Ганс. Когда все это кончится?»*⁷ 28 июля Фриц Курт был убит.

Идут жестокие бои в районе Сабска. 36-я немецкая мотопехотная дивизия захватила плацдарм на правом берегу Луги. Не хватает вооружения, боеприпасов, людей. Линия обороны на этом рубеже напоминает тонкую нить. В Ленинграде мастерские Института киноинженеров (ЛИКИ) переделывают учебные винтовки и пулеметы в боевые. В этом коротком предложении весь ужас нависшей катастрофы.

Профессор Горного института А. Н. Кузнецов разрабатывает рецептуру взрывчатой смеси, которую можно производить в Ленинграде из имеющихся в городе реагентов. Новое взрывчатое вещество — синал — оказалось вполне пригодным для снаряжения ручных гранат, противотанковых мин и осколочных авиабомб. Выпускать его начали предприятия, также не имеющие никакого отношения к военной промышленности: суперфосфатный завод, завод «Автоген», кирпичный завод № 1, Аллюминиево-магниевого и Горный институты.

Все окна в городе заклеены бумажными лентами, но при бомбежках стекла все равно вылетают. 31 июля штаб Местной ПВО настоятельно рекомендовал жителям города по сигналу воздушной тревоги открывать окна. Это помогло сохранить стекла до наступления холодов.

«Уходит июль. В течение этого месяца город дал фронту около 250 танков и бронемашин, 200 орудий для дотов, 185 — для танков, 300 полковых минометов, много пушек, винтовок, снайперских прицелов. Только предприятия

местной промышленности отправили на фронт в этом месяце 710 тысяч противопехотных мин»⁸.

На Карельском направлении тяжелые бои 3 августа идут в районе поселка Хийтола. Высоту обороняет 6-я рота 14-го мотострелкового полка внутренних войск НКВД СССР. Это к вопросу о бытующем мифе, что чекисты якобы служили только в заградотрядах, в атаку не ходили и расстреливали штрафников пачками. В этот день в 6-ю роту прибывает пропагандист полка старший политрук Николай Руденко. Но в роте не до бесед, не до политинформации. Идет бой. Убивают пулеметчика и Руденко ложится за пулемет. К исходу дня он остается единственным, кто еще в состоянии удерживать высоту. Остальные бойцы тяжело ранены или убиты. После эвакуации раненых к нему присоединился санинструктор Анатолий Кокорин. Финны сражаются яростно. Еще год назад это была их земля, и они намерены ее вернуть, дойти до старой границы у реки Сестры. Руденко приказал Кокорину держаться в стороне и все время менять позиции, чтобы у противника создалось впечатление, будто высоту обороняет большое количество солдат. «Сгушались сумерки. Бой не затихал ни на минуту. Во время одной из атак вражеским солдатам удается окружить Кокорина. Они хотели захватить его в плен. Тогда санинструктор достал гранату и с криком: “Чекисты в плен не сдаются” — взорвал себя и окруживших его врагов»⁹. За этот подвиг ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Посмертно.

Руденко в этом бою получил три тяжелых ранения и потерял сознание. Ночью того же дня он пришел в себя и похоронил Кокорина, насколько мог это сделать, будучи израненным. В настоящее время место могилы героя неизвестно.

А в Ленинграде вечером 3 августа в Театре драмы им. А. С. Пушкина* нет свободных мест. В программе «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева с народной артистки СССР В. А. Мичуриной-Самойловой в роли Марии Дмитриевны. Людно и в саду Госнардома (Александровский парк). На всеобщее обозрение выставлен вражеский самолет, пытавшийся прорваться к Ленинграду, но сбитый нашими зенитчиками. Его собрали из кусков и показали людям. Дико и омерзительно смотрелись черные кресты в Ленинграде.

---

* Ныне — Российский государственный академический театр драмы им. А. С. Пушкина (Александринский).

«В ночь на 8 августа дальние бомбардировщики 1-го минно-торпедного полка во главе с полковником Е. Н. Преображенским совершают налет на военные объекты Берлина. Это был наш первый удар по фашистскому логову. Гитлеровцы не допускали и мысли, что над Берлином были советские самолеты. Утром немецкое радио сообщило, что минувшей ночью английская авиация совершила налет на Берлин и что при этом было сбито шесть самолетов противника. В этот же день британское командование официально объявило, что в ночь на 8 августа ни один английский самолет не появлялся над Берлином. Ложью было и то, что над Берлином сбито шесть самолетов. Все наши самолеты, бомбившие военные объекты Берлина, вернулись на свою базу»¹⁰.

Днем 11 августа началось массированное наступление немецких войск на флангах Лужского рубежа обороны: со стороны Кингисеппа и на Новгородско-Чудовском направлении. Бои идут за каждую пядь земли. В прямом смысле этого слова. Слева противник прорвался к реке Оредеж, а справа — на трассу Кингисепп — Ленинград. Лужской группировке войск грозит окружение.

К 13 августа противнику все-таки удалось прорвать Лужский оборонительный рубеж с двух сторон. Советские войска нанесли контрудар во фланг наступающей группировке в районе Старой Руссы. Контрудар под Старой Руссой до сих пор недостаточно изучен историками. Бои в этом направлении продолжались до 25 августа и задержали наступление группы армий «Север» на Ленинград. Готовящийся к обороне город выиграл еще несколько недель.

Шестнадцатого августа противник обошел Кингисепп с востока и захватил город. Командующий Северным фронтом генерал-лейтенант М. М. Попов приказал командующему отходившей с боями из Эстонии 8-й армией генерал-лейтенанту П. С. Пшенникову выбить немцев из город. 20 августа 11-я стрелковая дивизия 8-й армии пошла на штурм Кингисеппа с запада и всего за один день боев освободила его. Однако ровно через сутки под напором наступающих немецких войск город вновь пришлось оставить. Пшенников привлек к боям за город 191-ю стрелковую дивизию, занимавшую до этого оборону между дотами укрепрайона. Это позволило немцам блокировать доты и дзоты.

Вечером 22 августа командир 152-го батальона старший лейтенант А. М. Королев донес в штаб укрепрайона, что гарнизоны трех дотов ведут бой в полном окружении. Он

также сообщил, что видит, как саперы противника закладывают взрывчатку под доты № 7 и 9. Это было его последнее донесение. Из окружения удалось прорваться только одному человеку — 23 августа санитары подобрали тяжело раненого и обожженного сержанта Иванова.

Дот № 17, где размещался командный пункт 263-го батальона, отбил 15 атак и выдержал сотни прямых попаданий артиллерии противника. Он продолжал сопротивляться даже после того, как все наши полевые войска переправляются через реку Лугу и взрывают за собой мост. Гарнизон дота обречен¹¹.

Контрудар в районе Старой Руссы развития не получил. Основные силы советских войск — 34-я армия Северо-Западного фронта под командованием генерал-майора К. М. Качанова — были к середине августа рассечены надвое и частично отброшены к реке Локоть, частично были взяты в плен или были уничтожены. Командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал Вильгельм фон Лееб оценивал обстановку как чрезвычайно серьезную. Он был вынужден перебросить с Новгородского направления дивизию СС «Мертвая голова», затем 3-ю мотопехотную дивизию, управление LVI моторизованного корпуса. Более того, А. Гитлер приказал приостановить наступление на Москву и дополнительно передал В. фон Леебу из состава 3-й танковой группы армий «Центр» части XXXIX моторизованного корпуса. Командующий 3-й танковой группой генерал-полковник Герман Гот впоследствии писал в своих мемуарах: «Таким образом, в то время как ОКХ еще предавалось надежде в конце августа нанести решающий удар по Москве, Гитлер снова под влиянием одной неудачи группы армий «Север», имевшей местный характер, 15 августа принял решение: «Группе армий ‘Центр’ дальнейшее наступление на Москву прекратить. Из состава 3-й танковой группы немедленно передать группе армий ‘Север’ один танковый корпус (одну танковую и две моторизованные дивизии)*, так как наступление там грозит захлебнуться». Что же послужило причиной так неблагоприятно оценивать обстановку в группе армий «Север»?

Один из двух корпусов 16-й армии, продвигавшихся южнее озера Ильмень на восток, а именно X армейский

---

* На самом деле переданный в группу армий «Север» XXXIX моторизованный корпус состоял из 12-й танковой и 20-й мотопехотной дивизий.

корпус, был атакован значительно превосходящими силами русских (восемью дивизиями 34-й армии) и оттеснен на север к озеру. В ответ командование группы армий “Север”, стремясь облегчить весьма тяжелое положение X армейского корпуса, решило выделить для нанесения контрудара одну дивизию СС и одну моторизованную дивизию, которые до этого принимали участие в боевых действиях под Лугой и в районе озера Ильмень... Сейчас же группа армий “Центр” была ослаблена на половину танковой группы, и это в момент, когда оставалось сделать последний шаг к достижению цели операции, то есть к овладению Москвой»¹².

Возможно, именно этих соединений немцам не хватило в начале декабря под Москвой. Итоги контрудара под Старой Руссой были неутешительные. Советские войска потерпели поражение, окончательно определившее окружение Лужской группировки войск. 23 августа командующий Северо-Западным фронтом генерал-майор П. П. Собенников был отстранен от своего поста.

11 сентября в деревне Заборовье по решению уполномоченных ГКО СССР армейского комиссара 1-го ранга Л. З. Мехлиса и генерала армии К. А. Мерецкова «во внесудебном порядке за дезорганизацию в управлении артиллерией армии и личную трусость» был расстрелян перед строем личного состава штаба 34-й армии начальник артиллерии армии генерал-майор артиллерии В. С. Гончаров. На следующий день Мехлис подписал приказ № 057: «За проявленную трусость и личный уход с поля боя в тыл, за нарушение воинской дисциплины, выразившееся в прямом невыполнении приказа фронта, за непринятие мер для спасения материальной части артиллерии, за потерю воинского облика и двухдневное пьянство в период боев армии генерал-майора артиллерии Гончарова, на основании Приказа Ставки ВГК № 270, расстрелять публично перед строем командиров штаба 34-й армии»¹³. Приказ был составлен уже после расстрела. Вот как описывает эти события Ю. В. Рубцов в книге «Alter ego Сталина. Страницы политической биографии Л. З. Мехлиса» со ссылкой на очевидца этого события, полковника в отставке В. П. Савельева: «По приказу Мехлиса работники штаба 34-й армии были выстроены в одну шеренгу. Уполномоченный Ставки быстрым, нервным шагом прошел вдоль строя. Остановившись перед начальником артиллерии, выкрикнул: “Где пушки?” Гончаров неопределенно махнул рукой в направ-

лении, где были окружены наши части. “Где, я вас спрашиваю?” — вновь выкрикнул Мехлис и, сделав небольшую паузу, начал стандартную фразу: “В соответствии с приказом наркома обороны СССР № 270...” Для исполнения “приговора” он вызвал правофлангового — рослого майора. Тот, рискуя, но не в силах преодолеть душевного волнения, отказался. Пришлось вызывать отделение солдат...»¹⁴

Под Старой Руссой немцы впервые захватили образец РСЗО «Катюша».

Тем не менее, как пишет А. В. Исаев, контрудар 34-й армии «сыграл важнейшую роль в начальной фазе сражения за Ленинград. Этим ударом были оттянуты от Лужского рубежа подвижные соединения как 4-й (LVI корпус), так и 3-й (LVII корпус) танковых групп вермахта. Были лишены эшелона развития успеха в лице моторизованных дивизий как группа “Луга”, так и группа “Шимск”, нацеленные на Лужский рубеж. В условиях крайне жестких сроков, в рамках которых было возможно использование подвижных соединений в группе армий “Север” до их рокировки в сентябре 1941 г. на московское направление, даже минимальные задержки давали переход из количества в качество. С этой точки зрения роль контрудара под Старой Руссой в сражении за Ленинград трудно переоценить»¹⁵.

Двадцать седьмого августа «в Ленинград прибыл последний поезд. По железной дороге подвоз продовольствия и всего остального, необходимого городу, прекратился»¹⁶.

В этот же день начинается перевод Балтийского флота из Таллина в Кронштадт, получивший в историографии название Таллинского перехода. Его история является одной из трагичных, но и героических страниц обороны Ленинграда. Итоги его высвечивают как недалёковидность главнокомандующего войсками Северо-Западного направления маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова, так и героизм балтийских моряков, командиров кораблей, самоотверженность экипажей минных тральщиков.

Отсутствие достаточной поддержки со стороны советской береговой авиации, недостаток тральщиков, малое количество зенитных корабельных орудий и, самое главное, поздно отданный приказ на переход преопределили катастрофу. Из 225 кораблей до Кронштадта дошли 163. Из них 132 военных корабля, 29 вспомогательных судов, 2 транспорта, а также неустановленное число малотоннажных гражданских судов и плавсредств, не подчиненных Военному совету флота. Во время перехода погибли 62 корабля

и судна (19 боевых кораблей и катеров, 25 вспомогательных судов, 18 транспортов).

Точный список жертв Таллинского перехода, видимо, никогда не будет составлен, поскольку никакого учета эвакуируемых, тем более поименных списков, никто не вел. На мемориальной доске в память погибших участников Таллинского перехода указано 10 903 погибших... Но четкого подтверждения столь точной цифры в архивах нет.

И тем не менее Балтийский флот был сохранен как боеспособная единица. В будущем корабельная артиллерия окажет неоценимую помощь обороняющемуся городу во время Блокады.

Первого сентября школы Ленинграда не открыли свои двери для детей. Город усиленно готовится к обороне. Только на строительстве Красносельского сектора работало 75 тысяч человек. Идут работы в зданиях города, в спешном порядке делают амбразуры, улицы перекрывают колючей проволокой, надолбами, насыпями с песком. А враг подошел к станции Мга, с ходу овладел ею и в один день прервал железнодорожную связь с Большой землей.

На следующий день, 2 сентября, «в Ленинграде произведено первое снижение норм продажи хлеба населению. Рабочие и инженерно-технические работники будут получать теперь по 600 граммов хлеба вместо 800, установленных 18 июля в связи с введением в стране продовольственных карточек. На 200 граммов снижена норма выдачи хлеба служащим: вместо 600 граммов — 400. Иждивенцам и детям до 12 лет, получавшим по 400 граммов хлеба в день, теперь будет выдаваться по 300»¹⁷.

События сентябрьских дней 1941 года, нашедшие отражение в сводках, директивах, дневниках и воспоминаниях жителей, солдат, советских и немецких офицеров, выстраиваются через призму цифр. Сформировано столько-то добровольческих батальонов, уничтожено столько-то танков и самолетов противника, взято в плен, пройдено, учтено, выписано, выверено, расстреляно, потрачено... А за каждой цифрой стоит живой человек. А за каждым донесением страх, боль, надежда. Город находится в огненном кольце, которое вот-вот замкнется окончательно. Город готовится к уличным боям. Создан штаб внутренней обороны города. Командный пункт фронта окончательно перемещается в Смольный.

Ситуация обостряется стремительно. 3 сентября немецкие войска подошли к городу на расстояние выстрела даль-

нобойной артиллерии. На улицах Ленинграда начинают рваться снаряды. Гибнут дети. Д. Д. Шостакович дописывает 1-ю часть 7-й симфонии, которую позже будут называть Ленинградской.

«Чтобы растянуть менее чем скромные, а если говорить точнее, ничтожные запасы муки, решением Ленгорисполкома от 4 сентября предложено примешивать к ней 12 процентов солодовой, соевой и овсяной муки, 2,5 процента размолотых жмыхов и 1,5 процента отрубей»¹⁸.

В сентябре вдруг стало ясно, что угроза захвата города войсками противника вполне реальна. Что бои могут идти в Летнем саду, что Московский проспект может превратиться в кровоточащую артерию, по которой немецкие танки будут прорываться в центр города. Бои разгораются уже в пригородах, линия Пушкин — Ям-Ижора — Колпино превращается в слоеный пирог. Например, на одном участке немцы прорываются силами батальона и уходят вперед: впереди наши войска, потом немцы, потом опять наши. В ряде подразделений отсутствует не то что взаимодействие — нет элементарной связи. Поэтому, к примеру, 402-й полк 168-й стрелковой дивизии думает, что у него фланг прикрыт, а там уже полдня хозяйничают немцы, а полк воюет в полуокружении. И такая картина повсеместно, на всем участке фронта.

В городе первые взрывы. Первые жертвы.

Впервые линию советской ПВО бомбардировщики люфтваффе смогли преодолеть 6 сентября. Теперь на улицы Ленинграда, в том числе и на Невский проспект, падают бомбы. Обстреливает город и немецкая артиллерия, подошедшая на расстояние прямого выстрела. Вот документальное свидетельство того, что натворил только один вражеский снаряд в этот день. Акт, позже заверенный Ленинградской комиссией по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов и представленный на Нюрнбергском процессе, был составлен врачом 4-го батальона МПВО Берлином и медицинской сестрой Тверской: «6 сентября 1941 года снаряд разорвался на улице. На панели с распростертыми руками лежит убитая женщина. Рядом валяется корзина с продуктами. Деревянный забор скошен и обгажен кровью. На нем налипли куски размозженного человеческого тела, петли кишок, окровавленные осколки костей, куски мозга. На панели — разорванный пополам труп беременной женщины: виден труп почти доношенного младенца. Во дворе 5 трупиков девочек в возра-

сте 5—7 лет. Они лежат полукругом, в том же порядке, как стояли тут до момента смерти, играя в мяч»¹⁹.

На северно-восточном направлении корпуса 16-й немецкой армии в двухдневных изнурительных боях выбили из-под Мги 1-ю стрелковую дивизию НКВД полковника С. И. Донскова. Обозначилась угроза форсирования немцами Невы, но они продолжили движение вдоль ее левого берега. Их целью был «Ключ-город» — Шлиссельбург. Он пал 8 сентября. Именно эту дату принято считать началом полной блокады Ленинграда. **8 сентября 1941 года.** В городе на этот момент находится 2 миллиона 544 тысяч жителей. Из них 649 тысяч не доживут до освобождения города. Но 8 сентября они этого еще не знают. Эта цифра официально была озвучена на Нюрнбергском процессе. При этом от артобстрелов и бомбардировок погибло 16 747 человек. 632 253 человека умерли от голода²⁰. Этот день воистину является черным не только на фактическом театре военных действий, когда захлопывается узкое бутылочное горлышко в районе Шлиссельбурга от правого берега реки к левому. 8 сентября — предвестник страшного голода на уровне понятийном, смысловом. В этот день массивной бомбардировке подверглись знаменитые Бадаевские склады. Огонь здесь полыхал около пяти часов. В огне погибло 3 тысячи тонн муки и 2,5 тысячи тонны сахара*. По оценкам историков, этих запасов продовольствия на складах хватило бы городу на 2—3 недели, и определяющей роли они не играли. Но в ледяном январе 1942-го даже две недели это тысячи жизней. Тысячи оставшихся в живых. Пять часов горели склады, горячие сахарные ручейки стекали в канавы, люди обступили место пожара и наблюдали, как горят их жизни и текут по улицам их души сладкими ручейками...

Относительно планов А. Гитлера в отношении города. Нет никаких сомнений, что фюрер собирался стереть его с лица земли, но директив за его личной подписью на этот счет нет. Знаменитая «директива Гитлера № 1601 от 22 сентября 1941 года» на самом деле таковой не является. Это реальный документ, он был приведен в качестве доказательства на Нюрнбергском процессе и нет оснований сомневаться в его подлинности. Но называется он иначе: Директива начальника штаба ВМФ Ia 1601 от 22 сентября 1941 года²¹. Вот ее полный текст:

---

* Впрочем, расплавленный сахар не пропал безвозвратно: его большая часть была собрана и переработана на патоку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru